

Александр Шувалов

ВСТРЕЧИ НА ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шувалов

Встречи на тайной войне

<https://litres.ru/74541352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эти двое, самый опасный человек в Азии и офицер ГРУ Большаков, тоже широко известный в узких кругах профессионалов, долгие годы находились по разные стороны тайных войн. Прошли годы и генерала разведывательной службы Китая и директора одной из спецслужб России судьба свела еще раз. Скованных наручниками, в подвале. У них впервые появился общий противник.

Книга выходила под названием "Самый опасный человек".

Содержание

Часть первая. В воздухе и на земле.	4
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Часть вторая. Встреча первая.	22
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Шувалов

Встречи на тайной войне

**Часть первая. В
воздухе и на земле.**

Уходящему поколению бойцов посвящается.

Глава первая

Дряхлый «Боинг», нутужно, по-старчески кряхтя и кашляя, стартовал из аэропорта столицы одной из бывших союзных республик, а ныне независимого и до упора суверенного государства Средней Азии и взял курс на Москву. Пассажир места 17 А как следует глотнул прямо из горлышка приобретенного в «Дьюти фри» шотландского вискаря. Заел эту односолодовую прелесть крохотной шоколадкой крайне сомнительного швейцарского происхождения. И замер в надежде.

Совершенно напрасной, как тут же и выяснилось. Охвативший его еще у стойки регистрации липкий страх и не думал растворяться в спиртном, хотя «принимать на грудь» он начал еще до посадки. Напротив, сволочь такая, усилился и обострился. Сердце то подпрыгивало вверх, аж к горлу, то норовило рухнуть в самый низ живота. Вытирая превратившимся в мокрую тряпку платком холодный пот с лица, он напряженно вслушивался в гул моторов и скрип корпуса. С ужасом ожидая, что-либо прямо сейчас, либо несколькими минутами позже вдруг выйдут из строя сразу все движки или просто отвалятся крылья.

Бросил короткий взгляд на соседа через проход и тут же искренне того возненавидел. Мирно дремавший или просто сидевший с закрытыми глазами лысоватый плечистый муж-

чина достаточно почтенного возраста из тех, кого просто не поворачивается язык назвать стариком, волнениями и страхами явно не маялся. И вообще был на вид в полном порядке.

Впрочем, не все так однозначно, как неоднократно утверждал в своем блоге один щирый украинский свидомит, упорно всех убеждающий в том, что он — дочь офицера.

Пассажир, о котором зашла речь, действительно не боялся. Никого и ничего, причем уже очень давно. А вот его, наоборот, боялись многие, порой до нервной икоты. И очень правильно делали.

Дела его, кстати, на тот момент обстояли не так чтобы очень здорово. Скорее, мутно и непонятно. То есть повод для брэнчания нервами присутствовал. Вот только делать это заранее никакого смысла не было. Вот он и не нервничал.

По громкой трансляции искаженный помехами голос объявил о том, что самолет по каким-то невнятно озвученным причинам в самое ближайшее время совершит посадку. Причем не в Шереметьево и вообще не в России, а в аэропорту еще одного независимого государства Средней Азии. Кстати, тоже бывшей союзной республики.

— Нет. — Пожилой мужчина, о котором только что шла речь, открыл глаза. — Не дергайся.

Средних лет персонаж в летнем светлом костюме на секунду замер, пытаясь проглотить незаданный вопрос. Потом кивнул.

— Ясно. А?..

— А ему скажи, чтобы действовал по обстановке. Я сам с ним потом свяжусь. По второму резервному номеру.

— Понятно. — Тот встал из кресла и двинулся по проходу в сторону хвоста лайнера.

Пассажир сказал это, тут же закрыл глаза и, не поверите, не задремал, а просто отключился. И проспал сном младенца до самой посадки.

В зале ожидания к нему, как и предполагалось, подошли. Трое в форме местной полиции и один в штатском. Явно в этой группе — старший. По виду — этнический немец. Их много было в свое время в Средней Азии. И далеко не все возвратились на историческую родину, когда ворота распахнулись.

— Господин Куклин?

— Точно, — не стал отпираться тот.

— Позвольте ваш паспорт.

— Бога ради.

— На каком слогe стоит делать ударение в вашей фамилии, Петр Николаевич? — полюбопытствовал старший, листая документ.

— На каком пожелаете, вы же здесь начальник.

— Смешно, — признал тот, пряча паспорт во внутренний карман пиджака. — Вам придется пройти с нами.

— А что случилось? — изобразил легкое волнение пассажир.

— Просто небольшая формальность, — на голубом глазу соврал персонаж в штатском. — Мы вас надолго не задержим.

— Что ж, — вздохнул тот. — Пройдем, если так надо.

Расположившийся буквально в нескольких шагах спиной к ним за стойкой бара пузатый здоровяк эту комедию наблюдать не должен был. Но наблюдал, в зеркале, что над барной стойкой. Еле слышно выматерился, допил, не торопясь, кофе, расплатился и направился прямым ходом в туалет. А оттуда — еще куда-то. И напрасно некоторое время спустя диктор аэропорта на трех языках — государственном, неплохом английском и отвратительном русском — вызывал к пассажиру по фамилии Николишин с просьбой поиметь честь вместе с совестью и прибыть-таки на посадку. Пропал куда-то вышеупомянутый пассажир, как в арык нырнул.

Глава вторая

Эскорт, или все-таки конвой, успешно доставил как бы временно задержанного к служебному помещению без таблички на двери. Прогуливавшийся по коридору высокий, спортивно-молодцеватого вида шатен цепко ухватил подошедшего под локоток, сдавив тому при этом руку чуть сильнее, нежели требовалось.

— Прошу вас, — и растворил перед ним дверь.

— Добрый вечер, уважаемый Петр Николаевич, — оскалился в белозубой улыбке восседавший за столом блондинистый здоровяк. — Искренне рады, что нашли время встретиться.

По-русски он говорил абсолютно правильно, даже в интонации не подвирал. Но все равно как-то уж больно бесцветно, так что знающий человек сразу понял бы, что это не его родной язык.

— А я-то уж как рад, — хмыкнул пассажир и без приглашения присел к столу.

Минуту-другую двое, один во главе стола, второй в кресле в углу, с интересом рассматривали вошедшего. А он, в свою очередь, — их. Хотя и без особого интереса.

С хлопцами все было яснее ясного: USA, CIA. Кто же еще может так непринужденно влезать, куда не особо приглашают, и с непосредственностью малого дитяти играть в свои иг-

ры. Ох, доиграются когда-нибудь.

— А не испить ли нам кофейку? — предложил персонаж в кресле.

И выразительно глянул на коллегу. Тот все понял правильно: встал, вышел и плотно затворил за собой дверь. Кофе потом, кстати, так и не принес.

— Однако к делу, — поднялся из кресла и пересел за стол. — Ваш самолет вылетает через... — бросил взгляд на висевшие на стене часы. Чуть слышно чертыхнулся — те стояли. Посмотрел на свой хронометр: — Через сорок семь минут. Время дорого.

— Насколько дорого? — поинтересовался пассажир.

— Вопрос по существу, браво, — вяло изобразил восторг сидевший напротив тусклого вида мужичок: редкие волосенки, светлые, опять же редкие ресницы, серая пористая кожа лица. И мощный, напоминающий пеликаний клюв нос. — Очень, очень дорого, причем для вас — персонально.

Вот его-то русский язык явно был впитан вместе с материнским молоком. Причем где-то в районе русского Нечерноземья.

Пассажир никак на этот интересный пассаж не отреагировал, и в воздухе повисла тишина. Сидящий во главе стола ожидал, когда же его собеседник проявит хоть какой-то интерес к разговору: поинтересуется, с кем имеет сомнительную честь общаться, выразит протест, упомянет о последствиях, в конце-то концов.

А тот сидел себе, глядя куда-то в угол, и ни гу-гу. То ли думу какую-то важную думал, то ли просто дремал с открытыми глазами.

— Для начала предлагаю познакомиться, — первым прервал паузу носатый джентльмен. — Ваше настоящее имя мне хорошо знакомо, а меня зовут Михаил. Можно без отчества.

— Привет, Михаил, — разверз наконец уста пассажир. — Как сам?

— Прекрасно, спасибо, — кивнул тот. — Буду краток, ПЕТР, — хмыкнул, — Николаевич. Скоро ваш самолет покинет аэропорт, полагаю, вы бы очень хотели оказаться на его борту. Мы хотим ровно того же.

— Замечательно. — Пассажир сделал вид, что искренне рад. — Ну, я пошел тогда?

— Конечно же, только сначала вам придется ответить на несколько вопросов и...

— И? — проговорил поощрительно пассажир. На самом деле — с легкой, почти неуловимой издевкой. Потому что чувствовал, к чему идет дело.

— И подписать один, ни к чему особо не обязывающий вас документ. — Сидевший напротив тоже был не лыком шит. И не дурак в свою очередь тоже слегка поиздеваться над собеседником.

— Под названием «обязаловка»[1], — продолжил мысль пассажир. — Залог нашей будущей крепкой дружбы. Интересно, а псевдоним вы мне уже подобрали? Грубо работаете,

дружище.

Многое в его жизни случилось. И убить не раз хотели, и пытались, и вербовать тоже пробовали. Но не так же, черт подери, в лоб и наивно. Хотя... Хотя и такое случилось.

— Может, и грубо, — прозвучало в ответ. — Только куда вы, на хрен, денетесь? Если прямо сейчас не придем к соглашению, имею полномочия доставить вас в одно тихое место для продолжения работы. Там-то вас и выпотрошат, как селедку к водочке. А потом со всеми возможными извинениями отпустят. Может быть. И все, конец карьеры. Нам бы очень этого не хотелось. Вам, надеюсь, тоже?

Человек по имени Петр ибн Николаевич только усмехнулся в ответ.

— Ваш выбор. Только давайте уж без ненужных телодвижений. Вы, говорят, мужчина резкий.

— А... — махнул рукой тот, — когда это было.

— Вот и отлично. Тогда пройдемте, нам пора в путь.

Пассажир встал и двинулся на выход. «Ну, Юлик, ну, жу-чара!»

— Простите, что вы сказали?

— Просто ворчу по-стариковски. Не обращайтесь внимания.

Глава третья

На заднем сиденье большущего, как автобус, внедорожника справа и слева от него устроились двое крупных молодых людей, преисполненных ответственности и ко всему сразу готовых. Вдруг, например, задержанный, разнервничавшись, начнет размахивать руками и сучить ногами или попытается выскочить на ходу. А то и примется звать на помощь.

Всего этого удовольствия служивым тот не доставил. Человек по фамилии как бы Куклин устроился поудобнее, сложил руки на груди, прикрыл глаза и затих. То ли в очередной раз задремал, то ли впал в ступор от всего происходящего. А может, просто задумался. Занятие, говорят, полезное.

Как же он отбрыкивался от этой командировки! Руками и ногами буквально.

— Ну, почему вы так боитесь? — раздраженно выговаривал ему посланец из-за «стены», молодой и крайне деловитый чей-то помощник или даже заместитель. — Смелее надо быть.

Ключевое слово — молодой. Был бы хлопец чуть постарше и самую малость более информированным, может, и уяснил бы, что сидящего перед ним человека при желании можно было обвинить в чем угодно, только не в трусости. Да и не боялся он, просто не верил. Впрочем, по порядку.

Некто Юлий Клементьевич Бондаренко как-то вдруг спу-

стя четырнадцать лет после спешного, больше похожего на бегство отъезда взял в одночасье, да и заскучал по оставленной им отчизне и вознамерился возвратиться на ее бескрайние просторы. К русским березкам, скверным дорогам, некачественной водке и такому родному, в три этажа, мату по поводу и без.

Вышел на кое-кого из власти предержавшей и аккуратно озвучил свое желание. Настоятельно при этом попросив, в смысле, потребовав, о встрече на нейтральной территории по своему выбору для обсуждения условий этого самого возвращения. И сообщил, с кем конкретно желал бы беседовать. Дескать, только ему одному и доверяю, потому что долгое время служили бок о бок. Родине. В Главном разведывательном управлении.

Действительно, Бондаренко почти двадцать лет отходил под погонами в этой почтенной организации. А в середине девяностых снял их и принялся работать на тех, кто реально платил. Начинал с «солнцевской группировки предпринимателей», потом некоторое время сотрудничал с гостями столицы со знойного Кавказа. Вершиной его карьеры стала работа с группой близких к Семье бизнесменов. Их потом стали называть олигархами. Трудился Юлий Клементьевич, судя по всему, успешно, потому что и сам выбился в олигархи. Правда, категории light.

В начале нулевых вместе со всеми ними равноудалился из ограбленной и обесчещенной отчизны. Только не в Англию,

а в Шотландию. И зажил там в свое полное удовольствие, запивая тамошним элитным пойлом скучный местный хаггис и щемящую тоску по Родине.

Тоже мне, скажете, бином Паркинсона. Ну, уехал, ну, вернулся. В Лефортово прямиком, если срок давности за содеянное не вышел. Делов-то.

Ан, нет. По слухам, всю свою работу на «группу товарищей» Бондаренко, по старой конторской привычке, грамотно фиксировал. Как учили. И возвращаться собрался именно со всеми наработанными материалами. Не потерявшими актуальности и по сей день. В обмен на полный и всесторонний иммунитет, разумеется.

— Чушь, — хмыкнул бывший сослуживец, когда его вызвали кое-куда наверх. Типа, просто посоветоваться. — Полная чушь и бездарная «деза». Нет у Бондаренко никакой «компры» и никогда не было.

— Это еще почему? — взвился некто, облеченный властью.

— Да потому, что он кто угодно, только не полный идиот, — терпеливо, как ребенку, принялся разъяснять тот. — Наличие компрометирующих материалов, тем более такой серьезности, — кратчайший путь на кладбище.

— Вы не понимаете... — и он сразу все понял.

Какой смысл что-то втолковывать человеку, у которого глазки горят, как фонари вечером на Тверской? От перспективы грамотно, с полной доказухой отодвинуть от державно-

го тела конкурентов. И заодно подчистить некоторые неприятные факты из собственного героического прошлого.

В общем, все обставили на редкость умнО. Направили его представлять государство на переговоры в одну из стран Средней Азии УСТНЫМ распоряжением, хотя и с самого, можно сказать, верха. Как частное лицо и с паспортом на чужую фамилию. Типа, для конспирации.

Предчувствие его не обмануло. Юлик старому сослуживцу был как бы по-детски рад. Накрыл по случаю встречи шикарную поляну. А потом начались собственно переговоры. Старинный знакомец был искренен, убедителен и логичен. Мысли излагал умно и грамотно. Вот только вел себя при этом... Он ведь долгие годы только числился оперативником, а на деле был информатором и разработчиком. Очень даже неплохим, кстати. За такого троих оперов дают не торгуясь. А вот врать грамотно так и не научился. Полагал, что если при разговоре не прятать глазки, не потеть, не краснеть и не почесываться, то собеседник ничего такого не заподозрит. Простая душа...

Поговорили, в общем. Потом выпили по последней и расстались вполне по-дружески. С этого самого момента и стал фальшивый Куклин ожидать какой-нибудь подлянки. Сейчас, получается, дождался.

Машина остановилась у ворот двухэтажного особнячка. Достаточно скромного, к слову. Таких в той же подмосковной Баковке — штук тринадцать на дюжину. Ворота с лег-

ким скрипом распахнулись.

Глава четвертая

— Ну, что, надумали?

— Вы о чем, Михаил? — удивился бывший пассажир, а ныне — пленник.

— О моем предложении. Решайтесь уже.

— Уж больно вы суетитесь, дружище. И торопитесь.

— А вы — нет?

— А мне-то куда? Мой самолет уже в воздухе, — грустно заметил как бы Куклин.

— Все не так безнадежно, — молниеносно среагировал старательно набивавшийся в кунаки хлопец из ЦРУ. — Я взял на себя смелость немного задержать вылет. По метеоусловиям, естественно. Ну, решайтесь. И не надо, дружище, бояться. Все будет просто отлично.

Поднял глаза на собеседника. Лицо того выражало все-ленскую грусть. И некоторую гадливость.

Что такое, граждане, вербовка? Это принуждение к сотрудничеству. Добровольному или не вполне. Поединок характеров и интеллектов, сложный, как разыгрываемая международными гроссмейстерами шахматная партия, и острый, как схватка фехтовальщиков. По мнению экспертов, естественно, создателей многочисленных засекреченных разработок. А также авторов дешевых книжек в мягких обложках.

На деле все гораздо незамысловатей и в то же время эффективней. Во-первых, многие кандидаты и сами глубоко озабочены проблемой, как бы, к кому бы и за сколько завербоваться. И, во-вторых, многие против собственной воли идут на сотрудничество, если их грамотно к нему подводят. Создают условия невозможности отказа. А потом делают, как сказано в инструкции, «предложение в открытой форме». Хотя кое-кто все равно посылает вербовщика в пешее путешествие по известному адресу. Это уже в-третьих.

Таки образом, процесс вербовки премьер-министра или просто министра за компанию с членом парламента лощеными элитарными сотрудниками спецслужб не намного отличается от аналогичных действий похмельного участкового, склоняющего к стуку прибалтненного алкаша. Или находящегося под «условкой» распальцованного «баклана». Разница только в костюмах, интерьерах и размерах гонораров, конечно же.

И совсем уж примитивным, буквально как мычание буренки на лугу, этот процесс сделался после окончания «холодной войны». Спецслужбы страны-победительницы очень быстро привыкли всегда и везде вести себя, как войско, ворвавшееся во взятый на шпагу и отданный на разграбление город. То есть, выражаясь фигурально, норовили трахнуть всех и каждого, даже не озаботясь предварительными ласками. И искренне, как-то по-детски обижались, если не шел процесс.

— Отвянь, Мишико, — молвил задержанный. — Надоел уже.

— Ладно. — Незадачливый вербовщик согнал с лица улыбку. — В таком случае вам придется на некоторое время у нас задержаться. Скоро здесь будет один человек, ваш старинный знакомый. Вот тогда и поговорим.

— Как скажешь, — кивнул бывший пассажир.

— Вот именно. — Носатый из принципа оставил за собой последнее слово.

Камеры предварительного заключения в архитектурном плане здания явно не предусматривалось. Именно поэтому ее и не было. Задержанного отконвоировали в подземный гараж, завели в комнату без окон, что-то вроде подсобки, и заперли.

Он остановился у входа и принялся с интересом изучать обстановку. Небольшое, где-то три на четыре метра помещение. Ни стульев, ни тебе дивана. Тусклая лампочка под потолком. Батарея у стены. И прикованный к ней наручником, сидящий на полу пожилой азиат, мелкий и щуплый.

— Добрый вечер. — Азиат глянул на вошедшего, и глаза его на секунду сделались от удивления идеально круглыми. — Вот это да! — Его английский был безупречен. — Глазам своим не верю.

— Та же история, — отозвался, кивнув, вошедший. На том же самом языке, но чуть менее изысканном. — Расскажи кому, просто засмеют. Самый опасный человек в Азии,

и не только там, — присел на пол рядом, — лучший боевой оперативник китайской разведки сидит у каких-то упырей в гараже, да еще и в наручниках.

— А рядом, — подхватил китаец, — тот самый Большаков, так вас до сих пор называют в конторе? Живая легенда ГРУ.

И дружно, чуть слышно расхохотались.

— Да уж, — продолжил, отсмеявшись, китаец. — Встреча — так встреча. Какая, интересно, по счету?

— Минуточку... — Большаков почесал затылок и принялся загибать пальцы. — Если считать ту, в Афганистане, что почти состоялась, уже пятая. Обалдеть можно.

— Это точно.

Часть вторая. Встреча первая.

Глава пятая

Середина семидесятых прошлого века. Где-то на юго-западе Африки.

Около двадцати двух часов по местному времени.

Ночь, тишина, ароматы экзотических растений впере-мешку с вонью явно животного происхождения. Поездка по тамошним местам, да еще в это время суток, да по проблемному с недавних пор району, — дело глубоко интимное, не терпящее суеты и лишнего шума. Зато настоятельно требующее полного внимания и готовности сразу и ко всему. Именно поэтому капитана, едва тот начал травить во весь голос анекдоты и сам же над ними на весь континент ржать, вежливо, но решительно попросили заткнуться.

Что тот и сделал. Но слегка обиделся, потому что был мало того что самым старшим по званию среди пассажиров старенького «козелка», шестьдесят девятого «ГАЗа» без тента и дверок, но и сотрудником особого отдела, портить отношения с которыми в доблестной Советской армии было как-то не принято.

Так и ехали, молча и внимательно, пока где-то минут через сорок весельчак-особист не принялся ерзать. Наконец не выдержал. Протянул длиннющую, как доклад на отчетно-выборном партийном собрании, руку и хлопнул водителя по

плечу.

— Ну-ка, остановись!

Сидящий за рулем Никитин на приказ старшего по воинскому званию отреагировал совершенно правильно, то есть никак. Как ехал, так и продолжил, лихо объезжая крупные выбоины и на ходу проскакивая мелкие. Прапорщик отслужил в спецназе ГРУ около десятка лет и давно усвоил простую истину: сколько бы ни вертелось вокруг и рядом с особо ценными указаниями разного рода начальников, исполнять следует только приказы, отдаваемые собственным командиром. А старший лейтенант Большаков, находился в тот момент на переднем сиденье от него справа и молча вглядывался в темноту.

— Мужики, ну поимейте же совесть! — взмолился, не выдержав, особист. — Сил уже никаких нет терпеть!

— Остановись, — негромко скомандовал старший лейтенант.

— Сейчас. — Никитин миновал здоровенную, как после бомбежки, ямищу и прижался к обочине. — Извольте.

— Вот спасибо-то, — обрадовался капитан.

— Только недолго, — предупредил, зябко поведя плечом, Большаков.

Не потому совсем, что по ночам в Африке вопреки сразу всем расхожим мнениям вовсе не жарко. Просто вдруг сделалось тревожно.

— Понял, — кивнул особист. — Даже соскучиться не

успеете.

Почесал подмышку, и вдруг в руке у него оказался небольшой компактный пистолет. С длинным глушителем. Два негромких, как будто пчелка чихнула, выстрела слились в один. Не успел упасть на руль с простреленным черепом Никитин, как Большаков стремительно выбросил тело наружу. Приземление, толчок двумя ногами и рыбкой — в придорожные кусты. А там уже...

Ничего этого не произошло, потому что вдруг выключился свет и куда-то пропал звук. Хирургически точный, выверенный удар срубил его в полете.

Капитан выбросил из машины оба тела. Сопя от натуги, оттащил их в придорожные кусты. После чего извлек из одного из многочисленных карманов камуфляжных брюк моток тонкой капроновой веревки. Со знанием дела зафиксировал валявшегося в отключке старлея. Забросил того, как ветошь, на заднее сиденье, присел за руль и завел мотор.

Большаков пришел в себя за некоторое время до того, как его извлекли из машины и поволокли куда-то. Потом вылили на голову ведро воды и принялись хлестать по щекам. Просто не видел смысла раньше времени оживать. Чтобы снова не отключили.

— Ммм... — раскрыл глаза, поднял голову и застонал от боли в черепушке, куда пришелся удар, и рези в глазах, куда ударил свет.

Попробовал было поднять руку, чтобы дотронуться до

пульсирующей от боли головы, но не смог. Спеленут был на совесть.

— Эй! — Кто-то довольно чувствительно пнул его под ребра. — Просыпайся, красавчик!

Знакомый, однако, голос и лицо, над ним склонившееся: Юра, капитан Поздняков, оперативный уполномоченный особого отдела.

— Так о чем ты хотел поговорить со мной, Коля?

Глава шестая

Там же, где-то двадцатью часами раньше.

Ночь была просто прелестна. На чистом, без единого облачка небе сияла в обрамлении звезд полная луна. Прохлада и полное безветрие. Тишь, можно сказать, гладь да божья благодать. И светло как днем почти что, хочешь, повышай культурку, в смысле, читай и конспектируй передовицу из «Правды», хочешь с барышней по окрестностям прогуливайся без риска наступить в темноте на что-нибудь ядовито-острое или вступить во что-то дурно пахнущее. Или вообще с ней же голышом купайся, благо озеро — вот оно, прямо здесь. Тихое и гладкое, как подкопченное стекло.

Подошедших на двух маломерных, бесшумно двигавшихся плавсредствах мили на полторы к берегу вся эта пастораль совершенно не радовала. Облаченные в черные «мокрые» водолазные костюмы, шестеро предпочли, чтобы шел дождь и задувал ветер. А ночное светило и прочие планеты были надежно спрятаны за тучами.

Дело в том, что все они, три боевые «двойки», выдвигались на тот берег работать согласно полученному образованию, в смысле, по специальности. Погрузившись без всплесков в темную, в россыпи отраженных светил воду, по-быстрому сориентировались и двинулись в сторону небольшой лагуны на том берегу, единственному месту, где был возмо-

жен нормальный выход на сушу. Их путь не сопровождался пузырьками воздуха, потому что эти путники в ночи использовали не обычные акваланги, а подводные аппараты замкнутого цикла, аналогичные советским ИДА-71[2].

Небольшая лагуна на том берегу — симпатичное такое место посреди густо заросших тропической зеленью скал. Каменистое, без малейшего намека на ил дно и пологий выход к пляжу. Мечта туриста, короче. И еще: никаких тебе сюрпризов типа врытых в грунт противопехоток, растяжек и даже скрытно оборудованных постов с пулеметами. Они точно это знали: понаблюдали как следует за объектом последние четыре дня и внимательно выслушали кое-кого, владеющего обстановкой.

Охраной здесь руководил, как видно, обычный пехотинец, исполнявший от А до Я наставление по работе с сухопутными объектами. Поэтому лес и кусты в радиусе ста пятидесяти метров от лагеря были вырублены, даже трава выкошена. А вот о том, что гости нежданные и незванные могут заглянуть на огонек со стороны воды, никто как-то не подумал. Отдельное за это спасибо.

Эти русские вообще воспринимали наличие озера поблизости исключительно как подарок судьбы: свободные от дежурства воины ловили рыбку, плескались на мелководе, загораки на бережку, играли в волейбол, даже выпивали, спрятавшись от бдительных взглядов отцов-командиров. А как смеркалось, расходились по постам: в усиление по перимет-

ру и в выдвинутые вперед дозоры. Спиной, получается, к реальной опасности.

Боевых пловцов было в разы меньше, чем охраняющих объект. Но дел они, уж поверьте, могли натворить о-го-го сколько. Что, собственно, сделать и собирались.

Двигавшийся в авангарде всплыл на поверхность и внимательно осмотрелся. Полный порядок: вход в лагуну вот он, рукой подать. И никакого движения на берегу, ни огонька. Вояки, видно, спят и видят приятные сны. А те, кто бодрствует, бдительно несут службу в ожидании возможного нападения оттуда, где его не будет. Этой ночью, по крайней мере.

Он снова погрузился, подработал ногами и... и угодил в перегораживающую вход в бухточку сеть. Однако.

Запутавшийся в сети самостоятельно выбираться даже не пытался. Опытный был мужчина. Просто просигналил фонариком, и к нему тут же подплыли с двух сторон двое. И принялись осторожно кромсать ножами толстые капроновые нити. Или очень тонкие капроновые веревки.

Когда закрепленный на поплавке колокольчик зазвенел в первый раз, расположившийся в зарослях солдат-срочник встрепнулся, повернулся к валявшемуся рядом, по виду — дрыхнувшему, Никитину. Набрал полную грудь воздуха, открыл рот.

— Тр... — и тут же смолк. Рот его оказался плотно запечатан широкой ладонью прапорщика.

— Спокойно, воин, — чуть слышно проговорил тот. — Пока ни хрена не вижу, но все слышу. Понял?

Тот закивал головой и что-то такое утвердительное промычал, дескать, вот теперь все стало ясно. Никитин убрал ладонь.

— Лежи и не дергайся. — Поднес к губам портативную рацию и тихонько проговорил: — Ку-ку.

— О-го-го, — донеслось в ответ.

Колокольчик меж тем звонил не переставая. И вдруг умолк.

— Ну-ка, дружок, подвинься. — Никитин прилег к пулемету. — А вот теперь с замиранием сердца ждем. Скоро начнется.

— Ну, — еле слышно подал минут через пять голос боец-срочник. — Что? — голосок у парня подрагивал.

— Терпение, мой друг, — тихонько проговорил прапорщик. — Молчи и жди.

Началось, но не так скоро. Сначала на мелководе появился один-единственный боевой пловец. Уже без аппарата и без маски, зато с оружием на изготовку. Тихонько подплыл к берегу и принялся медленно водить головой вправо-влево и в обратном направлении. Осматривался, получается.

Никитин, в свою очередь, внимательно наблюдал за ним через ПНВ[3] в ожидании того, что вот-вот последует.

Пловец, не оборачиваясь, просигналил фонариком в сторону входа в бухту. И тут же на поверхности появилась го-

лова, через несколько секунд — еще две.

— Две пары на суше, одна в воде, на шухере, как в букваре, — с удовлетворением отметил прапорщик. — Поехали! — негромко скомандовал он, и боец даже не стал спрашивать, куда конкретно.

Ночь вдруг перестала быть томной. Или же, наоборот, внезапно ею стала. Зажегся единственный маломощный прожектор, в луче которого, как на театральной сцене, оказались четверо вышедших на берег пловцов. Ребята были тертыми, поэтому впадать в ступор не стали. Наоборот, повели себя именно так, как в таких случаях предписывается. То есть попытались по-быстрому, не прощаясь, чисто по-английски уйти из гостей.

Как в таких случаях положено: с отвлекающей стрельбой в сторону прожектора и с использованием СДГ — светодымовых гранат.

Но ничего такого сделать просто не успели. Классический, как предполагалось, сухопутчик, тот, что организовывал охрану и оборону объекта, на поверку оказался кем угодно, только не классическим идиотом. Поэтому все предусмотрел.

С двух сторон с замаскированных позиций разом заработали крупнокалиберные пулеметы, полетели гранаты. С берега по воде отработали гранатометы.

Все быстро началось и тут же закончилось. Конец пьесы, точнее, антракт. Можно прогуляться по фойе, сходить в бу-

фет или еще куда. И быстренько — назад, в зал. Продолжение, уж поверьте, последует.

Глава седьмая

Двенадцатью часами ранее.

— Ну, — командир части, целый подполковник Прохоров угрожающе навис вспотевшей горой над мелковатым рядом с ним старлеем. Благо габариты позволяли: около двух метров ростом и далеко за центнер весом. Тут любому впору испугаться. — Доложи-ка мне, начальник паники, какого черта лысого ты меня в такую рань поднял? — Глянул на скромные часы в стальном по виду корпусе: — И сюда высвистал?

— Сейчас все сами увидите. — Старший лейтенант Большаков в свою очередь бросил взгляд на собственный роскошный хронометр, самый настоящий, с добрый кулак размером, «Ориент». Невысокий, достаточно скромного телосложения мужчина лет двадцати пяти, несмотря на столь лестную характеристику старшего воинского начальника, ни взволнованным, ни испуганным не выглядел. — Пройдемте, — и двинулся в сторону озера.

— Да объясни наконец, что случилось? — Подполковник двумя длинными шагами догнал его.

— Доброе утро, товарищи, — явил себя народу приехавший из поселка вместе с командиром майор Круглов по прозвищу Баянист. И тут же активно включился в разговор: — Надеюсь, ночь прошла без происшествий.

Заместитель командира по политической части славил-

ся тем, что живо интересовался буквально всем происходящим, умудряясь при этом быть абсолютно не в курсе опять же всего.

— Я о хоре, Виктор Андреевич. — Догнал командира и двинулся с ним в ногу. — Смотр самодеятельности — на носу, а отдельные товарищи... — поймал на лету яростный взгляд начальника, задумчиво почесал нос и замолчал.

На объекте над замполитом смеялись все, даже те, кто до этого вообще не умел этого делать. Когда-то в далекой юности Круглов сподобился, по слухам, отучиться в культпросветучилище где-то на Украине. Позже, каким-то образом умудрившись влиться в ряды доблестной Советской армии, своей главной задачей считал организацию во вверенной ему части непременно чего-нибудь вокально-хореографического, то есть песенно-пляшущего. Искренне веря в то, что все остальное само приложится[4].

— Повторяю вопрос: что конкретно произошло этой ночью, Большаков? — с раздражением в голосе проговорил подполковник.

— Да, что этой ночью произошло? — вставил свои мелкие деньги в разговор представитель партии.

— Гости ночью приходили, — прозвучало в ответ.

— Какие еще гости?

— Они не представились.

— И... что?

— Пришли — не ушли.

На берегу озера был расстелен брезент. Сквозь него проступало что-то темное. Вокруг с жужжанием роились крупные, чуть ли не с воробья размером черно-зеленые мухи. Под брезентом явно что-то было.

Поодаль, пиная с двух ног воздух, вальяжно прохаживался здоровяк в камуфлированных портках, резиновых шлепанцах на босу ногу и обтягивающей мощный торс майке-алкоголичке цвета хаки. В детской панамке на коротко стриженной башке.

— Покажи, — распорядился старлей.

— Сей момент, — отозвался тот и сдернул брезент. — Вуаля, пожалте бриться, — не удержался и блеснул цитатой из недавно прочитанного, интеллигент хренов.

Прохоров открыл было рот, чтобы в очередной раз вежливо, по-армейски намекнуть Большакову на некоторые имеющие место случаи откровенного раздолбайства среди подчиненного лично ему состава. Но тут его взгляд упал на то, что было раньше скрыто под брезентом. И слова застряли в горле. Зато устремился вверх выпитый поутру кофе. С яичницей и бутербродами. Зажав ладонями рот, он рванул в сторону кустов.

Зрелище, надо заметить, того заслуживало. Четыре мертвых тела крупными фрагментами. Крайне неаппетитно выглядевшие куски перемолотой, как в гигантской мясорубке, плоти вперемешку с обрывками резиновых водолазных костюмов. Только две головы в более-менее приличном состо-

нении, но отдельно от туловищ.

Еще два тела, почти целых. Только глаза у покойников вытаращены, как у рыб глубокой заморозки, да уши и носы в крови.

В общем, то, что категорически не рекомендуется к просмотру детям. Да и взрослым тоже, пожалуй.

— Командир, кофе будешь? — нарушил скорбное молчание Никитин.

— Давай, — кивнул Большаков.

— Держи. — Прапорщик налил ароматного напитка в кружку из большого китайского термоса и передал старлею.

Вышедший было из кустов подполковник повел носом на запах и тут же ломанулся обратно, аж кусты затрещали.

— Однако, — подал голос замполит. — И чем это их?

— Этих посекали из пулеметов, — любезно пояснил Никитин. — Ну, и гранатами добавили.

— А этих? — указал на лежащих чуть поодаль двоих.

— Тоже гранатами, но уже на глубине. Не ушли, красавцы, все — здесь.

— Ужас, — поежился Круглов. — А можно и мне немного кофе?

— Легко, — кивнул прапорщик. И глянул с уважением.

Политрабочий, надо заметить, в отличие от старшего по званию и должности, выглядел и вел себя вполне прилично. В кусты не бегал, в обморок грохнуться не норовил. Не побледнел даже. Хорошую, знать, получил в свое время в

«кульке» закалку. Или комиссарил в морге до того, как угодить в Африку.

— Что ты наделал, идиот? — заревел, как носорог, появившийся из кустов подполковник. Проблевавшись, он сделался привычно грозен. Не дождавшись ответа, принялся грозить трибуналом. И вдруг как будто сдулся, потому что продолжил уже вполне жалобно: — И что теперь будет?

— Ничего особенного, вполне штатная ситуация: отражение нападения на объект.

— А откуда ты знаешь, что это было именно нападение? — заблажил Прохоров. — Вдруг спортсмены какие-то или туристы?

Все, даже попивающий халявный кофеек замполит, молча на него уставились.

— Где доказательства? — не унимался подполковник.

— Вот, — простер руку в сторону истлевшей от времени рыбацкой лодки Никитин. — Любуйтесь.

Четыре пистолета-пулемета, шесть пистолетов, все с глушителями. Противопехотные мины, просто гранаты и гранаты светодымовые. Ножи. Дыхательные аппараты, маски, ласты.

— Кто это был, интересно? — Замполит допил кофе и протянул Никитину кружку. За добавкой.

— Да кто угодно, — отозвался тот. — Хотя, с большей вероятностью, либо штатники, либо боевые пловцы из четвертого подводного отряда ЮАР. Скорее, последние.

— Согласен, — задумчиво проговорил тот. Присел на корточки возле одного из сохранившихся, отогнал ладошкой мух. — Истинный ариец по виду. Пряма-таки Зигфрид какой-то.

Наблюдавший за всем этим подполковник вдруг побледнел и принялся массировать себе грудь в районе сердца.

— Что мне теперь докладывать? — уже жалобно и очень негромко проговорил он.

Не будем строго осуждать отважного воина. Этот эпизод был явно самым ярким за всю предыдущую службу, проходившую в одной из подмосковных придворных дивизий.

— Ничего уже не надо. — Большаков кивнул Никитину, и тот вернул брезент на прежнее место. — Я с утра пораньше известил кого надо в аппарате главного военного советника. Скоро оттуда приедут.

— А кто тебе?.. — начал было Прохоров и замолчал на середине фразы. Ему опять сделалось нехорошо.

— Имею все необходимые полномочия, — мягко заметил старший лейтенант. — Так что приготовьтесь рапортовать об успехах. И... — замялся, — смените, пожалуйста, рубашку, а то у вас вся грудь в...

— Так, что у нас тут происходит? — с темными кругами под глазами, благоухающий дешевым, явно не мужским парфюмом и чем-то прочим пахучим, на берегу объявился оперативный уполномоченный особого отдела на объекте капитан Поздняков. Деловитый и бдительный. Как всегда, вовре-

мя. От баб-с.

— Уже все произошло, — устало молвил Большаков. — А подробности вот он расскажет, — кивнул в сторону Никитина.

И пошел себе где-нибудь в спокойной обстановке все обдумать. Благо было что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.